

ОТЗЫВ

научного руководителя кандидата философских наук, доцента
Кнорре Бориса Кирилловича о работе соискателя ученой степени
кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – История философии
Зыгмонта Алексея Игоревича, представившего к защите
диссертацию на тему «Насилие и сакральное в философии Жоржа Батая»

На сегодняшний день проблема насилия является одним из самых актуальных феноменов для исследований. Как явление, по ходу исторического процесса, насилие становится более сретушированным, но в то же время более сложным явлением. Неслучайно эта проблема регулярно оказывается главной темой множества конференций по дисциплинам гуманитарного и общественно-научного цикла (включая междисциплинарные), где она рассматривается как точно, в рамках какой-либо конкретной дисциплины, так и комплексно, многоаспектно, как фундаментальное экзистенциальное явление. Соответственно по-прежнему актуальным остается его рассмотрение в историко-философском контексте, каковой очень развернуто представлен в философии Жоржа Батая.

Несмотря на свою значимость для понимания мировоззренческих и антропологических проблем, идеи Батая недостаточно еще известны и разработаны в российской гуманитарной науке. Кроме того, творчество Батая рассматривалось в большей степени филологически, с анализом лингвистических особенностей мысли французского мыслителя, как это делал Сергей Зенкин, хотя и он ориентировал свой анализ на выявление именно философского содержания в творчестве Батая. Но нужно признать, что несмотря на разработанное батаеведение за рубежом, исследование концепта насилия в контексте дискуссий о сакральном Жоржа Батая имеет значение и для зарубежной науки. Среди работ западных ученых также практически нет комплексных исследований, которые бы ставили бы задачу проследить генеалогию и эволюцию идей Батая целиком, особенно если брать работы, выполненные в рамках английской школы батаеведения.

Свое исследование диссертант построил хронологически и тематически. То есть по ходу анализа автор прослеживает эволюцию концепта «насилия» в творчестве Батая, показывает, какими смыслами французский мыслитель наделял насилие в своих разных работах, как довоенных, так и послевоенных. Но при этом диссертант постоянно возвращается к вопросу о соотношении батаевского понимания насилия с пониманием концепта «сакрального», упоминавшегося Батаем также в разных контекстах и прочтениях по ходу эволюции его мысли. Делается попытка анализа синхронного развития идей Батая, касающихся насилия и сакрального, там где это возможно.

А.И. Зыгмонт рассматривает Батая, с одной стороны, учитывая уже известные факты влияния на него предшественников и современных философов, с другой, – расставляя дополнительные акценты, объясняющие последовательность и логику этого влияния. В частности, во введении, когда диссертант начинает с того, что говорит о влиянии Гегеля на Батая через Кожева, то сразу обращает внимание на неготовность Батая принять представление Гегеля о духе как гомогенном в силу того, что Батай принимал влияние французской социологии, устанавливавшей отношение сакрального и профанного как гетерогенные.

В рамках выясняющей аргументации отсылки к Гегелю у диссертанта идут в 4-й главе, когда он анализирует наличие или опровержение гегелевских идей у Батая при его разработке понятий «негативности», «сакрального», непроизводительной траты, «безработной негативности» и в целом идеи «круговорота», возвращающего человека в акте жертвоприношения «в ту тотальность существования, из которой он вышел» (4.4. «Сакральное насилие и язык», стр. 207). То есть Батая по прочтении диссертации становится очень сложно назвать гегельянцем, хотя определенные способы мышления, диалектическое рассмотрение, сказывающееся в приверженности мысли Батая бинарным оппозициям, показывают, что гегельянство продолжало оказывать на Батая влияние в течение всего его творческого пути.

Более цельным, исходя из диссертации предстает приверженность Батая школе французской «сакральной социологии», если можно так сказать. В особенности в 3-й главе диссертант подробно рассматривает влияние, оказанное на Батая французскими мыслителями и его деятельность в рамках кружка Суварина и Коллежа социологии. Вопросы, которые Батай рассматривал в сотрудничестве с французскими коллегами, представляются имманентно присущими творчеству французского философа, в частности, таковой является сама идея десубъективации.

В исследовании показывается, что эта идея на протяжении развития творческой мысли Батая оказывается сквозной и по-своему стержневой. Ради ее реализации Батай даже в какой-то момент был готов к созданию своего рода особой «религии», о чем в диссертации говорится в разделе «3.2. Общество "Ацефал": насилие в теории и на практике» (стр.114). Вообще если учитывать актуальность для первой половине XX века проблемы отчуждения, отъединенности, обособления человека на фоне индустриализации, то становится очевидным, что экзистенциальные интуиции Батая встраивают философа в контекст достаточно широкой и глобальной мировоззренческой традиции. Разработка концептов со-общества и со-причастности выдает в Батае приверженца диалогизма (в особенности это видно в связи с идеями, высказанными во время его участия в кружке Суварина и Коллеже социологии).

Подтверждение этому можно увидеть и в рассуждении автора диссертации, когда он полемизирует с С.Фокиным, говоря, что при всем дуализме Батая мир для него предстает **отнюдь** не дуалистичным. А.И. Зыгмонт совершенно справедливо указывает на **двусмысленность** любого предмета для Батая, «например, цветка или солнца, которые включают в себя прекрасное и уродливое, возвышенное и низменное, однако обыкновенно обращаются к человеку лишь одной из своих сторон». (см. раздел 2.1. «Низкий материализм»: синтез возвышенного и низменного).

При этом диссертант не отрицает сам по себе факт дуализма Батая, обращая внимание лишь на то, что определенное время Батай смотрел на мир монистически, воспринимая в единстве гео- и солярные и метафорические концепты, а его дуалистический поворот относится уже с поздними 30-ми гг., и оказался выражен, согласно исследованию, в особом солярно-центричном мировосприятии Батая. Доказательству и иллюстрации этого тезиса (не единственного, но наряду с другими) в диссертации посвящена отдельная глава «Солнце в ранних текстах Батая (1920-е-1930-е гг.): от образа к концепту», где говорится, что когда Батай становится дуалистом, он противопоставляет солнце и землю «как растрату и накопление, как утвержденную в смерти жизнь и жалкое ее подобие, солидное и спокойное» (раздел 1.2. «Икар и Ван Гог: солярная мифология и теория жертвоприношения», стр. 48).

Ценность диссертации также в том, что автор анализирует не только собственно философские работы Батая, но и этнографические и антропологические. С одной стороны, он обращается к тем работам Батая, на основе которых последний разрабатывал свое понимание сакрального, с другой стороны, диссертант обращается к работам этнографов и антропологов, давая объяснение батаевским рецепциям их идей в процессе формирования конструкта «сакральное». Так, в частности, он обращается к «Очерку о природе и функциях жертвоприношения» Юбера и Мосса, из которого Батай взял понятие *сообщения* [communication] (стр.46, пар. 1.2.). Интересно, что оно использовалось антропологами для характеристики смысла обряда жертвоприношения как установления контакта между профанным и сакральным мирами для освящения жертвователя, в то время как у Батая этот термин стал использоваться с гораздо более широким и комплексным смыслом в его «сакральной социологии», о чем пишется подробно в 3-й главе «Насилие в перспективе сакрального сообщества (1934-1939 гг.)».

В подтверждение (и отчасти в дополнение) к тому, что сам диссертант характеризует «*накоплением конкретного материала в рамках более общей постановки вопроса о связи насилия с религиозной сферой*» (стр. 14) можно сказать, что в диссертации приведен богатый этнографический материал в сопровождении самостоятельного анализа автора диссертации, где рассматриваются основные компоненты того, что можно назвать

«философией сакрального» и «философией жертвоприношения». Диссертант не только прослеживает батаевскую философскую рефлексию относительно этнологического понятия жертвы, но и объясняет, как эта центрированная на этнологии в определенный момент жизни Батая рефлексия ведет к оформлению идеи десубъективации, размыкания единичного во всеобщее, на то, что также называется «мистическим рассеянием» субъекта.

Автору диссертации удалось показать, что у Батая, в особенности, в эпоху его участия в кружке Суварина, хотя отнюдь не только, наблюдается достаточно явный протест против отчуждения, и этот протест коррелирует с протестом против утилитарного капиталистического общества, взвешивающего вещи по степени их полезности. То есть размыкающее насилие таким образом становится сакрализирующей силой не только в условиях религиозных обрядов, но оно вырывает человека через своеобразную сакрализацию из плена утилитаризма и нормированности индустриальной эпохи. Не случайно автор говорит, что Батай мог бы в целом природный порядок объявить сакральным. Сакральные ценности для Батая воспринимаются как «ценности аффективные, которые не служат ничему, кроме себя самих» (стр. 116).

Заметим, что хотя в работах Батая, апеллирующих к этнографии, поднимаются вопросы, связанные с архаическими обществами, эти отсылки у Батая актуальны для понимания общества современного, так как Батай то задается вопросом о существовании аналогов языческих капищ в современных западных обществах, то размышляет о соотношении насилия первобытного человека и жестокости современного ему расчетливого технического общества. Собственно, не случайно, что сама по себе дифференциация, разведение «жестокости» [сгуauté] от десубъективирующего насилия, разнесение этих понятий на разные полюса связано у Батая с обнаружением жестокости, в итоге именно у современной ему цивилизации, а не у архаических сообществ, применительно к которым он хоть и пользовался термином «жестокость», но для обозначения другого понятия, с другим – положительным, а не негативным смыслом. А.И. Зыгмонт не случайно обращает внимание на то, что эта проблематика выражается у Батая особенно наглядно в работах, посвященных проблеме насилия и сакрального в условиях войны. У диссертанта этой теме посвящена отдельная – последняя - пятая глава «Морфология войны в контексте философии сакрального», где он показывает, что понимание войны в условиях развитой технической цивилизации для Батая коррелировало именно с жестокостью, но отнюдь не с сакральным насилием.

Выводы, полученные диссертантом, имеют как научную, так и прикладную значимость. Предоставление доказательств понимания насилия как сакрального у Батая демонстрирует перспективу развития дальнейшего понимания интуиций и основных идей

французской философии и российской и зарубежной науке, а также потребность дополнительного изучения наследия Батая. Очень удачным представляется с точки зрения систематизации и смысловой структуризации учения Батая выделение диссертантом пяти операторов смыслов (*данности, неразличимости, инакового, перехода и эффекта перехода*) – основных групп понятий, имеющих схожий смысл и «управляющих» схожими концептуальными движениями. Можно вполне огласиться с автором диссертации, что это деление, хотя и не исчерпывает всей сложности батаевской мысли, но позволяет представить ее в виде схемы и тем самым лучше понять.

Несомненным достоинством работы следует признать наличие в ней ряда ценных выводов относительно понимания идеи «сакрального» в социологии, а также в таких междисциплинарных областях знания, как, например, религиоведение и антропология. В условиях постсекуляризма и широко распространенного дискурса о сакральном, об экзистенциальных, антропологических проблемах, задаваемых с новой силой современной цифровой революцией, вопросы, поднятые диссертантом, получают очевидную актуальность.

Научно-исследовательская работа А.И. Зыгмонта является завершенным научно-исследовательским трудом, выполненным автором самостоятельно на высоком научном уровне. Результаты работы достоверны и обладают новизной. Сообразно с вышеизложенным, считаю, что исследование А.И.Зыгмонта в полной мере соответствует требованиям, предъявляемым к научно-исследовательским работам и кандидатским диссертациям, и может быть рекомендована к защите по специальности 09.00.03 - История философии.

Научный руководитель:
доцент ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет
"Высшая школа экономики"»,
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
+7 (495) 771-32-32; +7 (495) 531-00-31
knorre@yandex.ru,
кандидат философских наук, доцент
специальность 09.00.13 - Религиоведение, философская антропология,
философия культуры

02.03.2018

Кнорре Борис Кириллович

Подпись заверяю

02.03.2018

СПЕЦИАЛИСТ ПО КАДРАМ

Исхакова Л.К.